

УДК 93:[328.1+329.11+281.93]

Ивакин Григорий Анатольевич, доктор исторических наук, доцент,
заместитель директора ФГБНУ «Психологический институт РАО», г. Москва
e-mail: binani@inbox.ru

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОМОНАРХИСТОВ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ И ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ 1912–1917 ГОДОВ

Аннотация. В статье рассматривается законодательная деятельность ультраправых с 1912 по 1917 г. – в период работы IV Государственной думы и Государственного совета Российской империи. Особо освещается деятельность православного духовенства сквозь призму обсуждения законопроектов по отношению к зарождающемуся парламентскому институту.

Ключевые слова: законодательная деятельность, парламентаризм, православное духовенство, император Николай II, Государственная дума Российской империи, Государственный совет Российской империи, черносотенство, правые, правомонархизм.

Ivakin Grigory Anatolyevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Director FSBSI Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow
e-mail: binani@inbox.ru

LEGISLATIVE ACTIVITIES OF THE RIGHT-WING MONARCHISTS IN THE STATE DUMA AND THE STATE COUNCIL IN 1912–1917

Abstract. The article examines the legislative activity of the ultra-rightists during the work of the IV State Duma and the State Council of the Russian Empire in

1912–1917. The activity of the Orthodox clergy, their attitude to the emergence of the parliamentary institution through the prism of discussing draft laws is especially considered.

Key words: legislative activity, parliamentarism, Orthodox clergy, Emperor Nicholas II, State Duma of the Russian Empire, State Council of the Russian Empire, Black Hundreds, rightists, right-wing monarchism.

«История» – это не просто абстрактное понятие, это прежде всего живые люди, от которых зависело принятие решения в тот или иной текущий момент, с присущими им достоинствами и недостатками, социальными установками и психологическими оттенками эпохи. И тем интереснее становится прошлое. История императорской России накануне ее крушения – одна из самых загадочных страниц отечественной истории. От ученого требуется немало терпения, прежде чем произойдет новое открытие исторического факта, подтверждаемое различными источниками информации, когда сойдется все воедино.

Исследуя становление общественно-политического движения в России, следует несколько слов сказать об объективных законах самого развития общества в целом. Именно эти законы действуют независимо от отдельных людей, даже если это коронованные властители или обшитый галунами генерал. В политике, в жизни побеждает в конечном счете тот лидер, то движение, которое выражает определенную тенденцию в развитии общества, в наибольшей мере соответствующую его потребностям, формирующимся объективно. А это и есть проявление определенных законов. Если деятельность субъектов исторического процесса соответствует им, протекает в их русле, ей в конечном счете, даже при определенных ошибках, обеспечен успех [13, с. 4].

Вместо того чтобы приспособить монархию к требованиям гражданского общества, русские императоры, начиная с Николая I, переопределили понятие нации, сделав ее мифическим атрибутом монарха.

В то время, когда Запад под воздействие буржуазных революций вовсю

экспериментировал с демократическими институтами, жившая под тяжелым скипетром монарха Россия продолжала спать сном крепостнической летаргии, гордясь своей самобытностью и сильно сомневаясь в том, что когда-либо пойдет по пути Европы. Объявив, наконец, крестьянскую волю, царский режим не торопился снимать с него цепи, пока полвека спустя не грянула революция [14, с. 8].

Итак, обратимся к законодательной работе Думы и Государственного совета. По меткому замечанию профессора А.Ф. Смирнова, свою работу IV Государственная дума начала с «левения» [5, с. 443].

В отличие от III Думы, где председатель М.В. Родзянко был избран правооктябристским большинством, тот же М.В. Родзянко, считавшийся правым даже в октябристской среде, был избран на председательскую должность IV Думу октябристско-кадетским против голосов правомонархистов и националистов, демонстративно покинувших зал заседаний после объявления результатов голосования.

Избранный председатель М.В. Родзянко торжественно объявил себя сторонником конституционного строя: «Я всегда был и буду сторонником представительного строя на конституционных началах, который дарован России великим Манифестом 17 октября 1905 года...», – что не могло не вызвать протеста правоконсервативных депутатов.

«Наши оба законодательные (Государственная дума и Государственный совет. – *Г.И.*) учреждения, не будучи выражением всего духовного уклада русской жизни, не дают и не могут дать почвы и формы для национального самоопределения, для патриотического вдохновения творческой законодательной деятельности, чтобы укрепить „на чисто русских исторических устоях“ преуказания Государем „преобразования народной жизни“» [2, л. 1об].

Газета «Голос Москвы» писала в те дни: «...даже умеренные общественные элементы страны становятся явными приверженцами конституционно-монархического строя...» Внутренняя неустойчивость, борьба

внутри каждой из фракций – «в их собственной среде происходила большая неразбериха... Во взаимоотношениях партий между собою и во всем внутреннем составе каждой из них сразу была заметна большая неустойчивость и стремление ставить свое преобладание над другими и присвоение себе руководящей роли в новой Думе выше общей, органически основанной на взаимном согласии». Почти все фракции раскалывались, имели левых и умеренных, депутаты меняли свои симпатии... Оппозиционный дебют Думы был встречен резким недовольством правого лагеря, умеренным и противоречивым [5, с. 445]. Отчетливо прослеживается это в стенограмме при обсуждении правительственной декларации, которую представлял премьер В.Н. Коковцов.

Правомонархисты-депутаты настаивали на ужесточении курса. «Мы требуем ярко очерченной программы, которая подкрепляла бы значение наших девизов и упрочивало бы ту самодержавную власть, под которую подкапываются левые фракции», – говорил в своей речи один из лидеров черносотенства В.М. Пуришкевич. Он требовал принятия закона о введении телесного наказания – розог для борьбы с хулиганством в деревне, обуздания печати, инородцев, внимания к церковно-приходским школам и т.д.

Вслед за Пуришкевичем выступил другой правомонархист, депутат Марков 2-й. Он поддержал премьера в стремлении пересмотра уголовного положения с повышением всех наказаний на несколько ступеней [5, с. 449].

Депутат Н. Львов, разъясняя позицию своей фракции, говорил: «Все реформы, которые должны быть даны русскому государству, должны быть основаны на принципах народности, православной церкви, монархизма, которые являются основами Русского государства» [5, с. 451].

От общих прений при обсуждении декларации правительства и постановки основных вопросов на предстоящую деятельность депутаты перешли к обсуждению бюджета.

Депутат В.В. Шульгин поднял вопрос о военной цензуре, рассказав депутатскому корпусу курьезы из жизни: «...я получил вызов... явиться к

одному лицу, которому поручено было рассказать газетным деятелям те требования военной цензуры, которые тогда предполагались... приехал и застал следующую сцену... я увидел лицо, окруженное стайей газетчиков, которые с испуганными лицами слушали его и спрашивали: „Вот это вот можно?“ – Ответ нет! – „А вот это?“ – Ни в коем случае. – „А это?“ – Боже сохрани! – Наконец совершенно перепуганные люди стали спрашивать явно несуразные вещи: „Скажите, пожалуйста, вот те объявления о мобилизации, которые расклеиваются по заборам, это можно печатать в газетах?“ – Ни в коем случае! – „Почему нельзя?“ – Ведь забор Ваш в Германию послать нельзя, а номер газеты пошлют же... нужна военная цензура, но ведь вопрос, как ее осуществить...» [15, с. 393-394].

Далее депутат предлагал в условиях военного времени «ковать единство»: «Мы сейчас стоим перед союзом одной части общества – консервативной, с другой – либеральной. И говорили нам (либералы. – *Г.И.*): „К вашему старому девизу «за Веру, Царя и Отечество» прибавьте одно слово – и «за свободу»“» [15, с. 394].

Затронул и вопрос, связанный с равноправием евреев: «...до тех пор, пока мы будем сохранять неравноправие, мы этим самым признаем известную слабость русского народа, следовательно, наши усилия в этом деле должны идти параллельно...» [15, с. 396].

Подобной позиции придерживалось одно из самых массовых общественных движений СРН: «...все евреи в России должны быть признаны иностранцами...» [3, л. 43об]; общую риторику поддержали и делегаты Всероссийского совещания монархических организаций, которые просили оградить от евреев православный русский народ и запретить занимать государственные должности евреям, признать их религию вредной и запретить ее [3, л. 22].

Общий тон правых ораторов Думы поддерживали и члены Госсвета, сенаторы-правомонархисты выступали за всемерное ограничение прав лиц иудейского исповедания. В отличие от центристов, правые обосновывали

соответствующую позицию. Епископ Никон полагал, что попавшие в революционное движение «запутались в сетях иудейских» [9, с. 163].

В контексте внешней и национальной политики был затронут вопрос немецкого засилья депутатом А.Н. Хвостовым: «В заключение... хочу ответить лидеру правых в Государственном совете Петру Николаевичу Дурново... он провозгласил формулу управления... в настоящее время сначала надо, чтобы власть сумела справиться с оскорбительным для нас всех немецким засильем внутри страны... поставила бы интересы населения выше интересов банковских кругов, чтобы в сознании народном власть перестала быть виноватой, и только тогда может приказывать, и народ пойдет за ней...» [15, с. 342]. Это коррелировалось с общим посылом черносотенцев. Например, председатель Аккерманского отдела СРН на съезде говорил о том, что «немецкое засилье пагубно для нас... следует отобрать от немцев все коммерческие предприятия... земельные угодья...» [3, л. 43об.].

По вопросу обороны в Государственной думе выступал сенатор-черносотенец А.Ф. Трепов, поясняя первостепенное значение законотворческой работы в условиях военного времени: «...в области законодательства... первейшее место принадлежит вопросам... обороны... в единении с законодательными установлениями принять все меры к оборудованию страны заводами и фабриками... это главная цель...» [15, с. 313].

Также сенатор-правомонархист Трепов с трибуны Таврического дворца выступал перед депутатами по вопросу развития профессионального образования. В частности, он говорил, что «внимания требует вопрос об общем образовании, нуждающийся в качественном улучшении дела и в количественном росте учебных заведений всех типов и степеней, причем нельзя не упомянуть прежде всего о законопроектах, касающихся введения в Империи всеобщего и обязательного обучения, и об открытии средних учебных заведений в составе старших классов...» [15, с. 314].

Черносотенцы настаивали, чтобы в Думе и Государственном совете поднят был вопрос, связанный с высшей школой, с решением вопроса

студенчества и его участия в политических организациях: «Категорически запретить студентам вступать в какие бы то ни было политические организации и заниматься какой бы то ни было политикой...» [3, л. 38].

В вероисповедных вопросах руководством к действию явилось выступление премьер-министра В.Н. Коковцова в Думе, которое показало, что вопросы осуществления вероисповедных свобод в их прежнем виде даже не предполагалось ставить на повестку дня. Определяя характер работ в отношении вопросов веры, В.Н. Коковцов ограничился лишь констатацией общих принципов, которыми предполагало руководствоваться правительство. В частности, он заявил, что деятельность и правительства, и Думы должна быть направлена к «неуклонной охране издревле положенных в основу русской государственной жизни... первенства в ней русской народности и веры православной...». Кроме того, премьер коротко рассказал о своем миролюбии к другим исповеданиям, а также о необходимости оживления жизни церковного прихода [12, с. 185-186].

Всеми этими вопросами должны были заниматься те же три комиссии, что и в III Государственной думе. Комиссия по делам РПЦ, состоявшая на 60% из правомонархистов, усиливалась тем, что 39% состава комиссии были православными клириками и были правыми, причем это 13 человек [7, с. 35-36], а не 11, как утверждают исследователи А.А. Доронская и протоиерей В. Рожков.

В комиссии по вероисповедным вопросам 33% были из лица духовного чина от РПЦ. В комиссию по старообрядческим вопросам вошли пять клириков: А.Г. Альбицкий, И.И. Богомолов, И.Д. Дроздовский, В.И. Лентовский, М.В. Митроцкий.

У МВД было свое представление на обозначенный курс премьера. Прежде всего министерством намечался пересмотр положений:

- 1) о римско-католических духовных консисториях и семинариях с целью улучшения... их материального положения;
- 2) в отношении протестантов предполагалось издание нового положения

о городских евангелическо-лютеранских приходах на началах расширения прав прихожан в управлении церковными делами;

3) в качестве мер по «упорядочению быта» армяно-григорианской церкви был намечен пересмотр действующего уложения об управлении ею;

4) в отношении магометанского исповедания планировалось составление нового общего Положения о мусульманском духовенстве и о порядке управления духовными делами магометан;

5) для иудаистского исповедания предполагалась разработка поднятых раввинским съездом 1910 г. вопросов об устройстве раввината, о легализации духовных раввинов и преобразовании духовного и хозяйственного управлений еврейских молитвенных обществ [12, с. 186-187].

Помимо правительственных законодательных предложений, были и фракционные, и партийные проекты по вероисповедной политике империи.

Наиболее продуманным из всех законопроектов, по мнению автора исследования, был проект фракции октябристов. Они уже выдвигали в Думе III созыва определенный законопроект и, таким образом, имели опыт законотворческой работы в этой области. Но в III Государственной думе проект фракции был наиболее последовательным и жизнеутверждающим, нежели в Думе IV созыва.

Октябристская «фракция... стремилась к постепенному проведению в жизнь свобод, дарованных Манифестом 17 октября. Фракция... твердо убеждена, что издание таковых законов при существующем направлении правительственной политики не даст никаких практических результатов. Необходимо прежде подготовить почву; поднять культуру главной массы населения... Фракция Союза 17 октября находила бесцельным разрабатывать теперь основные законопроекты о свободах, дарованных Манифестом» [10, с. 109].

Фракция кадетов в первой сессии внесла в Думу демонстрационный законопроект о свободе совести именно в том виде, как это было сделано в 1906 г. Тем, что в представленном законопроекте, по сравнению с прежним, не было

изменено ни строчки, фракция намеренно это подчеркивала – дело вероисповедного законодательства за восемь лет вероисповедных реформ в России не сдвинулось с места. Но необходимо было учесть следующий нюанс. Если в 1906 г. кадетский законопроект был принят Думой для дальнейшей законодательной разработки, то в 1912 г., прежде чем направить законопроект в Думу, уже необходимо было доказывать, что он не противоречит Основным законам государства [12, с. 200]. Таким образом, «ни о каких ближайших целях здесь не может быть и речи – речь идет лишь о провозглашении лозунга» [10, с. 108]. Но тем не менее законодательное предложение фракции кадетов было передано в комиссию.

В то время как Дума и правительство определяли и корректировали курс вероисповедных реформ, в губернских и епархиальных периодических изданиях – архангельских, московских, нижегородских и др. – начиналась критика законотворческой деятельности Государственной думы и исполнительной власти.

Так, «Московские ведомости» описывают печальную картину разрушения церковно-государственной симфонии, заката «константиновской эпохи» церковной и гражданской истории. Вероисповедные законопроекты не совершали немедленного разобщения государства от религии, но ставили законодательство на путь разобщения, на такие основы, при которых, хотя с множеством отклонений и противоречий, эволюция законодательства начинает идти по все более растущему разобщению государства и религии [16, с. 108-109].

В комиссию по вероисповедным вопросам были переданы доклад согласительной комиссии по законопроекту «О переходе из одного исповедания в другое» и законопроект «Об упорядочении гражданско-правового положения старообрядцев и сектантов, браки которых не записаны в метрические книги», а также множество других незначительных законопроектов: «О временной передаче дел Варшавских евангелическо-аугсбургской и евангелическо-реформатской консисторий в ведение прочих

местных консисторий», «Об установлении административного порядка увольнения от должности протестантских проповедников» [10, с. 109]. Кроме того, в ведении комиссии находились законопроекты «Об упорядочении способов отбывания повинностей в пользу духовенства евангелическо-лютеранской церкви», а также «О преобразовании церковно-приходских учреждений и об изменении порядка избрания пасторов в Лифляндской и Эстляндской губерниях» [12, с. 199].

В комиссию по старообрядческим вопросам был внесен доклад согласительной комиссии по проекту правил о старообрядческих общинах [10, с. 110].

Комиссия же по делам РПЦ занималась в основном узкими вопросами, прежде всего финансовыми и др. Для нее характерным было в Думе IV созыва отдавать законопроекты в другие комиссии [10, с. 110].

Этим исчерпывался круг вопросов, связанных с вероисповедными делами, в разработке и принятии которых активную роль играли ультраправые в союзе с православным духовенством в IV Государственной думе.

Даже тот небольшой материал, который был намечен для рассмотрения в Думе, так и остался не проработанным до конца, а с началом войны встали другие проблемы, и до завершения полномочий Думы вероисповедные вопросы уже не поднимались. Во время февральских событий 1917 г. в Государственной думе снова наметился всплеск активности, но он ни к чему не привел.

Следующим важным являлся вопрос о реформе прихода, который начал усиленно дебатироваться с 1916 г.

Российское духовенство все больше требовало от власти автономии в своей пастырской работе и прав для прихода, включая право собственности, создания кооперативов и касс взаимопомощи, чтобы приход мог стать частью общественной и экономической жизни прихожан.

Священники и церковная интеллигенция стремились создать церковно-приходскую общину, существующую не только ради богослужения. Церковь старалась приспособиться к быстро происходящим переменам в общественной

и политической жизни империи [18].

Уже в первую сессию IV Государственной думы разными думскими группами было внесено пять законодательных предположений по поводу реформы православного прихода. В общей сложности было подано 249 голосов, а не 256, как указывает исследователь А.А. Доронская.

Поэтому в формуле перехода к очередным делам, принятой 15 мая 1913 г., были определены задачи ведомства православного исповедания:

1) внести в Государственную думу не позднее второй сессии представления об устройении православного прихода и о повышении ежегодного кредита на содержание духовенства;

2) произвести подробное статистическое обследование экономического положения прихода;

3) принять меры к увеличению числа участвующих в епархиальных съездах церковных старост и других выборных представителей от прихожан соответственно числу представителей от духовенства, так как основную тяжесть по оплате сборов с церковью несут на себе прихожане;

4) обсудить вопрос об освобождении церквей (а впоследствии и приходов) от взносов на содержание духовных учебных заведений и об обеспечении духовных семинарий необходимыми для них средствами [10, с. 112-113].

Эти предложения поддержало все православное думское духовенство. Клир понимал необходимость реформирования приходской жизни, так как она должна была стать составной частью развитого местного самоуправления. Реформировать приход надо было и потому, что у некоторых крестьян, как и у определенной части интеллигенции, начинается процесс распада национального самосознания. И религия должна была противопоставить этому процессу весь свой опыт и силы. Одобряя реформу прихода, депутаты-клирики понимали, что жизнь крестьянства на тот момент замыкалась на трех составляющих – общине, волостном земстве и приходе. Думається, духовенство решило тогда начать реформирование с того, что им ближе всего, с прихода.

Необходимо было восстановить все «как встарь».

Священник-правомонархист А.Л. Трегубов в своем выступлении остановился на духовно-нравственном аспекте предполагаемой приходской реформы. «Дело не столько в юридических нормах, а в том, чтобы возбудить к жизни и деятельности заснувшее чувство любви и сострадания к своему ближнему, к нищим, бедным, скорбящим и согрешившим. Нужно сделать так, чтобы приход был христианской семьей, связанной любовью. Если не будет возрождения религиозного чувства, то всякая реформа мертва, как тело без души мертво. Возродить приход – это задача не только церкви, но и государства, так как с тем развалом, который царит во всех слоях общества, можно бороться только на христианских основах и при содействии организованного прихода» [16, с. 271-272].

За словами священника стояли материальные невзгоды духовенства, усугублявшиеся устаревшим кодексом церковного права. Священник мог быть удален из прихода и даже лишен церковного сана по произвольному решению епископа или же епархиальной консистории. Дело слушалось в его отсутствие, и права обжалования подобных решений не существовало.

При это следует отметить, что думское духовенство пыталось ускорить работу, так, например, все члены Государственной думы, имеющие священнический сан, 4 августа 1915 г. подали обер-прокурору Священного синода А.Д. Самарину записку, в которой констатировали «оскудение в церкви религиозного духа и охлаждение к ней всех слоев общества» и призывали во что бы то ни стало достигнуть того, чтобы храм стал близким и дорогим для сердца верующих прихожан» [10, с. 113]. Но особого значения это обращение не имело.

Это было связано с тяжелым ограничением, которое императорское правительство наложило на церковь: традиционное самоуправление было упразднено, выборы духовенства прихожанами отменены, а заведование приходским советом финансами и имуществом запрещено. Подавлялась всякая попытка создания представительной организации в церкви.

Депутат-консерватор священник Ф.Д. Филоненко говорил: «Мы твердо верим, что в РПЦ скрыто столько мощи, заложено так много драгоценных сокровищ духа, веры и любви, что нужно ей дать лишь возможность освободиться от этих тяжелых пут, которыми она скована по рукам и ногам, нужно лишь вдохнуть в нее живой, действенный дух соборности, вытекающий из самой природы ее существа, оживить, призвать к деятельности все ее приходские силы, поднять материальное благосостояние и правовое положение приходского священника как главного труженика на ниве основной ячейки нашей церковности – прихода» [16, с. 272-273].

Улучшение положения духовенства было одной из наиболее необходимых реформ в предреволюционной России. Нуждались в изменении материальная необеспеченность, произвол церковных властей, кастовая система образования и пополнение рядов духовенства. Церковь буквально задыхалась в бюрократических объятиях и стремилась к обретению автономии, самоуправления «как встарь», начиная с прихода и вплоть до воссоздания патриаршества.

Но впоследствии стало ясно, что законотворческая работа духовенства наряду с другими депутатами, поддерживающими идею реформы прихода, ни к чему не привела. Священный синод продолжал действовать, не обращая внимания на законотворческую деятельность Думы, и всячески тормозил реформирование. Вопрос о реформе прихода замыкался на вопросе о привилегированном положении Священного синода, с деятельностью которого власть себя неразрывно связывала.

Светские законодательные предположения, законопроекты и законы, обсуждаемые и принимаемые православным духовенством Государственной думы, затрагивали образование, печать, национальный (польский) вопросы, но с началом Первой мировой войны характер думских предложений и выступлений православного клира резко изменился.

Вопрос о печати наряду с другими депутатами Думы поднимался членом фракции националистов священником П.А. Покровским. Затронут был

вопрос неслучайно. Накануне епископ Анатолий [6, с. 380-381], член фракции правых, разъяснял депутатам Государственной думы, что никакого законопроекта об изменении статьи 65 Основных законов Святейшим синодом в Совет министров не вносилось, это всего лишь слухи, которые исходят из печати. Этот факт был воспринят как опала на печать, на что клирик П.А. Покровский сказал: «Мы узнаем из газет, что будто бы ведомством или Святейшим синодом вносится в Совет министров какой-то законопроект об изменении статьи 65. Но ведь это, гг., все слухи, можно сказать, базарные; ведь наша печать не все-то говорит правильно... Там печать неправильно говорит, и там неправильности с известной окраской, а мы начинаем обсуждать как факт, свершившийся... совершенно не у места и не вовремя...» [6, с. 367-368].

Другим важным вопросом был польский вопрос. Обсуждение этого вопроса в Государственной думе IV созыва началось с заявления, которое было передано в комиссию 15 марта 1913 г. 26 марта запрос обсуждался на заседании Думы. Депутат Ковенской губернии Ф. Рачковский обвинил правительство в проведении «насильственного обрусения края» и подавлении местной культуры, нарушении закона. Представители левых партий встретили его речь рукоплесканиями [11, с. 178]. Депутаты же от духовенства, напротив, восприняли эту речь как наступление на православных христиан.

Депутат-националист священник М.В. Митроцкий заявил: «Я решился сегодня выступить на этой кафедре для того, чтобы, коснувшись существующих русско-польских отношений в Западном крае, высказать в немногих словах несколько своих пожеланий... Как близко знакомый с жизнью Западного края, я считаю своим долгом заявить Государственной думе, что местная администрация и допускает иногда ошибки, но не одна она является виновницей того, что в Западном крае на почве национальной розни случаются нежелательные эксцессы. Гораздо в большей степени виноваты поляки и те из них, которые своими действиями оскорбляют национальное и религиозное чувство русского народа...» [6, с. 780-782].

Речь священника М.В. Митроцкого была лишь началом

разворачивающейся дискуссии светских депутатов и духовенства в Думе по данному вопросу. В речах клира будет много фактов и доказательств о притеснениях там православного населения и «коварных замыслах» поляков об отделении Польши от России.

Так, член фракции правых депутат от Минской губернии священник К.М. Околович заявил о ничтожности и несоответствии фактам запроса, вызванного якобы стремлением полонизировать край (по его данным, в Минске поляки составляли 1/5 населения, а в губернии – 1/10, тогда как христиан (очевидно, православных) насчитывалось 38 178 и евреев 47 300 человек). В то же время депутат призвал, что у белорусов как этноса отобрали в свое время и государственность, и политическую независимость, но сохранили язык и православие. Он доказывал, что «мысль о Польше умерла», а поляки в России имеют все условия для удовлетворения экономических, культурных, религиозных, национальных запросов. Речь была с восторгом встречена правыми [11, с. 178]. Помимо яркой, зажигательной речи, священник К.М. Околович привел факты «возмутительных безобразий, угнетения и притеснений православного темного народа» [6, с. 756]. «А каковы эти границы, извольте развернуть польский орган „Католическое обозрение“ за 1905 г., и вы там прочтете: „Между Балтийским морем и Черным, между Уралом и Западной Европой не может быть двух хозяев. Или Россия, или Польша. Другого разрешения польского вопроса нет и быть не может“, – восклицает польская газета *Prasa*. „Гоните русский язык из школ“, – провозглашает „Курьер Виленский“. „Бейте, рвите все, что написано по-русски“, – советует „Варшавский дневник“. И эти ужасные мысли, господа, проводят не только ксендзы Милашевские, не только помещики Шалевичи и Ленские, но, что всего хуже, эти мысли разделяет высшее римско-католическое епархиальное начальство» [6, с. 764].

Итак, правомонархистов, а также православное духовенство в Думе больше всего беспокоила нарастающая конфронтация с натиском латинян (католиков), следствием чего было тяжелое положение православного

духовенства и православного населения, так как переход в унию означал окончательный разрыв с православием и утратой интересов России в Польше.

«Вы возмущаетесь тем, что минский губернатор позволил себе арестовать ксендза Милашевского, – говорит священник М.В. Митроцкий, – и таким образом унижил сан духовного лица католической церкви. Я разделяю ваше негодование, но, поймите, что и мы негодуем, что в польских тюрьмах без суда и следствия томятся православные священники, что их водят по улицам в кандалах...» [6, с. 782]. «Господа представители польского населения, если вы искренне желаете спокойствия в Юго-Западном крае и вообще в Западном крае, если вы действительно стремитесь к мирному сожительству с русским народом, то, помимо предъявления запросов, прежде всего и главным образом убедите духовных руководителей польского народа не делать нам, русским, того, чего они себе не желают...» [6, с. 782].

Таким образом, депутаты-правомонархисты были полностью на стороне русского православного населения и не одобрили заявления депутата Ковенской губернии Ф. Рачковского, который обвинял правительство в «насильственном обрусении края» [11, с. 178], так как, по словам депутата-священника К.М. Околовича, «всякий раз, когда правительственная власть желает сколько-нибудь удержать рьяных „одбудователей“ отчизны, когда правительственная власть хочет указать, что и для них есть закон, за неповиновение которому они привлекаются к ответственности, то поляки всякий раз и печатно, и гласно, и путем внесения сюда запросов кричат, что их гнетут, притесняют и преследуют. Лучшей иллюстрацией этому служит настоящий запрос» [6, с. 758].

Что касается позиции правых Государственного совета, то она хорошо прослеживается в высказывании сенатора Ознобишина: «Я совершенно не могу допустить рассуждение, что поляки такие же подданные, как русские. Они совершенно не такие же подданные. Наконец, подданство не есть право, это есть основание для обязанностей, но не для прав. Рим совершенно ясно разделял понятие *civis* и понятие *subiect*. Субъект – это поляки, а русские – это

и есть граждане – *civis* [9, с. 160].

Что же касается законопроекта о всеобщем образовании, то «в IV Государственной думе некоторые ведущие октябристы решили пойти на уступки в вопросе об автономии церковно-приходских школ. Во главе комиссии по народному образованию» [16, с. 183], где 19% составлял клир РПЦ, «поставили националиста г. Бобринского. А перед концом второй сессии в начале июня 1914 г. Е.П. Ковалевский предложил комиссии отказаться от той позиции в отношении церковно-приходских школ, которая послужила поводом для разногласий между Государственной думой и Государственным советом, и принять проект в редакции Совета. Однако под давлением левых он вынужден был снять свое предложение. Начавшаяся война вынудила отложить рассмотрение вопроса о всеобщем начальном образовании, который в результате так и не был принят» [16, с. 183-184].

Но все же законопроект, касающийся образования, об отпуске из средств государственного казначейства дополнительного кредита в 65 000 руб. на вознаграждение чинов центрального управления Министерства народного просвещения за особые труды, удалось провести. Докладчик комиссии по народному образованию, член фракции правых священник Г.Т. Алферов объяснял это тем, что «испрашиваемый кредит исчисляется в соответствии с количеством лиц, которые должны получить вознаграждение, а между этими лицами значительное число получают слишком ограниченное содержание...». Поэтому законопроект «Об отпуске из средств государственного казначейства дополнительного кредита на вознаграждение чинов центрального управления МНП за особые труды» предполагал:

1) отпустить из средств государственного казначейства по № 181 Государственной росписи расходов на 1913 г. дополнительный кредит в размере 65 000 руб. на вознаграждение чинов центрального управления МНП за особые труды;

2) означенный в отд. 1 расход отнести на счет ожидаемых сбережений от назначений по № 187 и 188 Государственной росписи расходов на 1913 г.

Со стороны бюджетной комиссии к принятию этого законопроекта препятствий не встречается. По мнению докладчика, этот «кредит усилил бы выдачу тем несчастным труженикам, которые вследствие крайней ограниченности получаемого содержания живут впроголодь и не имеют одежды приличной не только для праздников, но и для будней» [6, с. 1775-1776].

Одним из последних предложений депутатов Думы, которое подписал депутат-священник Д.Я. Попов, член переселенческой комиссии и законодательных предложений, было «О выделении Кубанской и Терской областей из состава Кавказского наместничества» [4, л. 1-4]. Это предложение не было рассмотрено, так как с началом военных действий в 1914 г. режим работы Думы изменился, заседания стали проводиться реже, деятельность комиссий также претерпела изменения. А после февраля 1917 г. оно и вовсе было отложено.

С началом Первой мировой войны в 1914 г. деятельность правомонархистов активизировалась в сторону поддержки правящего режима. Активными сторонниками победоносного завершения Первой мировой войны выступили правые, центристы, националисты и др.

В Государственной думе среди ультраправых звучали речи патриотические, демагогичные, а некоторые прямо использовали этот не самый лучший повод, чтобы обрушиться на своих врагов по конфессиям, если не уничтожить, то в значительной степени ослабить их влияние в стенах Думы и в Российской империи.

Член фракции центра священник от Бессарабской губернии Н.Е. Гепецкий говорил: «В дни тяжелых испытаний представители Церкви, как представители и всех классов, и сословий Российской империи, всегда выступали на защиту нашей святой Родины с нашими доблестными союзниками, обезвредить народ, который явил себя миру как разрушитель христианской культуры, прогресса, цивилизации. Немецкие зверства – они ужасом преисполнили весь мир. Ни разум, ни совесть наша не могут мириться с

вандализмом, проявляемым солдатами Вильгельма. Во имя горячей любви к Родине объединились все народности... война эта должна быть доведена до исчерпывающего конца; только в этом случае возможно освободиться от засилья воинствующего дикого германизма...» [6, с. 24-28].

Становилось очевидным, что война имела затяжной характер, вдобавок к этому неудачи на фронте и большое количество убитых и раненых. По статистике Главного штаба, к 1 февраля 1917 г. армия потеряла убитыми, ранеными, без вести пропавшими около 6 млн солдат и свыше 63 тыс. офицеров [1, с. 218]. Все это вызывало антивоенные настроения в Думе и вне стен Таврического дворца. Духовенство считало, что именно такой ценой нужно достичь победы? Но для чего?

Известно, что Первая мировая война велась за передел колоний и зон влияния. Правомонархисты пытались, поддерживая идею патриотизма в государстве, сохранить хотя бы целостность системы управления страной и церкви, которая была на грани раскола, стремилась выслужиться перед государством.

Речи ораторов носили прокламационный характер. Так, священник Ф.П. Адриановский, член фракции правых, использовал факт войны против засилья немцев-тружеников в России. А ведь именно они, не покладая сил, жизненной энергии, обычные люди и предприниматели, создавали конкурентоспособные предприятия. И их, по мнению священника, надо было выжить из России, «принять самые энергичные меры против тех, угрожающих благополучию России аномалий...» [6, с. 471-473]. Представляется, что о. Ф.П. Адриановский призывал к протекционизму. Но только где? В инвестициях, которые были необходимы России, как воздух, всегда и при любых обстоятельствах, так как это составная часть экономического роста.

А другой оратор, правомонархист А.М. Станиславский, и вовсе прокламировал о «немецком засилье в делах Православной церкви», о засланных «40 лет тому назад в нашу страну проповедников», которые распространяли свою антиправославную литературу и насаждали свое учение.

Священник имел в виду сектантов, штундистов и адвентистов и призывал под покровом войны изгнать их из России, ликвидировать и принять меры к пресечению [6, с. 420-426]. Возникает вопрос, при чем тут война и борьба с сектами? Ни при чем. А значит, это было не более чем демагогическое выступление, не имеющее отношения к делу.

Весь период думской монархии правое крыло верхней и нижней палат постоянно боролось за ограничение прав народного представительства, изменение избирательного закона, а то и вовсе за возврат к старым порядкам и отмену народного представительства вообще [13, с. 182].

Анализ деятельности за 11-летний период существования верхней палаты также опровергает миф, созданный советской историографией, о якобы тотальной «реакционности» верхней палаты и ее законодательной неэффективности. Из 3555 законопроектов, одобренных Государственной думой за весь период ее существования, Государственный совет отклонил лишь 46 проектов, 19 отказался рассматривать, а 158 вообще не успел рассмотреть. По 39 не была завершена согласительная процедура. Однако 3291 проект (93%) был одобрен верхней палатой без существенных поправок [8, с. 4].

Так, не вызывала противодействия аграрная реформа П.А. Столыпина, и соответствующий пакет законопроектов прошел через Государственный совет с незначительными поправками. Верхняя палата также одобрила большинство законопроектов о значительном увеличении расходов на народное образование. При этом Государственный совет перманентно отклонял все законопроекты, касающиеся расширения прав законодательных палат. При рассмотрении реформы местного суда Государственный совет согласился на лишение земских начальников судебных полномочий и на восстановление выборного мирового суда [8, с. 4].

Государственный совет одобрил большинство преобразований по уголовному, гражданскому и процессуальному праву, согласился с уравнением женщин в наследственных правах и расширением служебных прав, отклонив проект о допуске женщин в адвокатуру [9, с. 253].

В общем и целом, верхняя палата оказалась одним из основных орудий консервативных правительственных кругов в их попытках замедлить требуемые обществом преобразования. Скорость реформ оказалась неприемлемой для всего общественного мнения. По этим причинам Государственный совет не пользовался авторитетом в общественном мнении. Он оказался удобной мишенью в пропаганде антиправительственных сил, утверждавших о невозможности обновления страны при сохранении существующего режима, и тем самым вносил свой вклад в распространение революционных настроений и охват ими общественной и даже военно-бюрократической элиты [9, с. 254].

По подсчетам автора исследования, за весь период существования Государственной думы и Государственного совета было избрано в Думу 106 ультраправых депутатов и 74 сенатора – членов различных правоконсервативных организаций России.

Следует отметить, что автор относит к депутатам и сенаторам-правомонархистам исключительно тех парламентариев, которые состояли или имели непосредственное отношение к деятельности правомонархических организаций, а не просто правых в нижней и верхней палате, которые на протяжении существования парламентского учреждения мигрировали из фракций и групп, меняли свои политические взгляды.

После Октября 1917 г. возможность возвращения к парламентаризму связывалась с Учредительным собранием. Но авторитет «хозяина земли русской» бесконечными оттяжками его созыва был существенно поколеблен. Любое Учредительное собрание должно быть созвано в надлежащее время и иметь за собой силу, на которую могло опереться. У российского ее не было.

Разгон Учредительного собрания – это уже конец парламентской альтернативы. Растянутый во времени, но единый по своей сути процесс устранения с политической арены парламентской демократии, которая оказалась в положении свечи, зажженной с обоих концов, завершился.

Парламентская демократия была как помеха, с которой можно было

лишь временно мириться, пока она объективно выполняла роль ширмы, за которой скрывались истинные намерения. Так рассматривали ее и их главные противники.

Однако уход с парламентского пути не был единовременным шагом. Надежда на то, что Россия пойдет по пути парламентаризма, сохранялась не только после февраля, но, пусть хотя бы теоретически, и после Октября. Это был процесс, началом которого можно считать роспуск Думы, а завершением – разгон Учредительного собрания. А может быть, даже осень 1918 г. События этого периода, с одной стороны, достаточно известны историкам, но с другой, если рассмотреть их с точки зрения влияния революции на судьбу российского парламентаризма, – позволяют проследить определенную связь между ними, на которую не всегда обращали внимание, и показать, что они являются неотъемлемой частью его истории.

Говоря словами В.М. Чернова, это было «не поражение демократии, ибо не было поражающего. Это не отступление перед натиском врага, ибо натиска не было. Это просто самочинный массовый отход в тыл. Это принципиальная боязнь наступления» [17, с. 182]. В итоге он приходит к любопытному выводу, с которым нельзя не согласиться: «...у нас есть только предпарламент из папье-маше, но нет вросшего в жизнь, прочного, как хроническая болезнь, парламентаризма... Мы еще переживаем революционный период. У нас либо парламент сделается органом революции, либо революция пройдет мимо парламента и даже через него, пусть споткнувшись о него, она разобьется насмерть, но что же делать!» [17, с. 191].

Реформированный Государственный совет и созданная Государственная дума оказались для России того времени во многом «на вырост». Страна была еще не вполне готова к тому, чтобы в ней появился настоящий парламент.

Список литературы:

1. Андреева Л.А. Религия и власть в России. М., Изд-во: Ладомир, 2001. 254 с.

2. Государственный архив российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. 116. Оп. 2. Д. 87. Л. 1об.
3. ГА РФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 23. Л. 43об, Л. 22, Л. 38.
4. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 10. Ч. 2. Л. 1-4.
5. Государственная дума Российской империи, 1906–1917. Историко-правовой очерк / Смирнов А.Ф. М.: Книга и бизнес, 1998. 624 с.
6. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия II. СПб.: Государственная типография, 1913.
7. Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Созыв IV. СПб.: Государственная типография, 1912–1913.
8. Государственный совет Российской империи 1906–1917. Энциклопедия. М., Изд-во: Российская политическая энциклопедия, 2008. 344 с.
9. Демин В.А. Верхняя палата Российской империи 1906–1917 гг. М., Издательство: Российская политическая энциклопедия, 2006. 376 с.
10. Дорская А.А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века: Монография. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена 2001. 143 с.
11. Зорин В.Ю. Национальный вопрос в Государственных думах России (опыт законотворчества) / В.Ю. Зорин, Д.А. Аманжолова, С.В. Кулешов, М.: Русский мир, 1999. 504 с.
12. Кудрина Т.А., Пинкевич В.К. Вероисповедные реформы в России в начале XX века. М.: РАГС, 2003. 196 с.
13. Малышева О.Г. Думская монархия: рождение, становление, крах. Ч. I: Власть и зарождение Государственной думы / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ; О.Г. Малышева. М.: Изд-во РАГС, 2001. 193 с.
14. Общественно-политическое движение в Новое и Новейшее время: учеб. пособ. по гуманитар. дисциплинам для студентов ист. фак. пед. вузов и учащихся общеобразоват. учреждений с углубл. изучением гуманитар. предметов / В.В. Рябов, Е.И. Хаванов; Правительство Москвы, Ком-т

образования, Моск. гор. пед. ун-т. М.: Жизнь и мысль: Моск. учеб., 2001. 255 с.

15. Ораторы России в Государственной думе. Т. II. СПб., Издательство: СЗАГС, Образование-Культура, 2004. 400 с.

16. Рожков В., протоиерей. Церковные вопросы в Государственной думе / Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории. М., 2004. 560 с.

17. Чернов В.М. Листки из политического дневника // Отечественная история: проблемы, поиски, суждения: [Сб. ст.] / Рос. акад. управления, Каф. отеч. истории; [Редкол.: Н.Н. Виноградов (отв. ред.) и др.]. М.: Луч, 1992. 203 с.

18. Cunningham J.W. The movement for Church renewal in Russia, 1905–1906. London, 1990. P. 19.